

киевские мозаики, фрески и иконы Феофана Грека, Рублева, Дионисия, картины венецианских мастеров Раннего и Высокого Возрождения, картины лучших колористов XVII и XVIII столетий. В византийской живописи он почти всегда отдает предпочтение памятникам константинопольской школы, из которой вышли самые уточненные образцы колористического мастерства. Страницы, посвященные художественной характеристике русской иконы периода ее расцвета, принадлежат к лучшему, что было написано им об искусстве⁴². Зато его совершенно не интересует ни поздняя византийская, ни поздняя древнерусская иконопись с их явным оскудением живописного искусства. Он глубоко равнодушен к мастерам академической школы в западноевропейской живописи XVII—XVIII столетий, ибо они никогда не были хорошими колористами.

Говоря об особенностях научного метода В. Н. Лазарева, нельзя обойти молчанием еще одну важную черту его творческой индивидуальности: он умеет по-разному писать об искусстве. В зависимости от жанра и конкретных задач той или другой работы меняется его метод изложения, его литературная манера. В исследовательских статьях целые страницы посвящены подробному разбору одного памятника. В обобщающих монографиях его стиль строг и лаконичен, анализы кратки, многие детали опущены, все изложение последовательно подчинено решению ведущих проблем работы, огромное значение имеет критико-библиографический аппарат, служащий универсальным справочником литературных источников по затрагиваемым в тексте вопросам. Наконец, совсем в ином плане строятся книги и статьи, написанные в жанре художественно-критических очерков. Главное в них — целостный портрет творческой личности живописца. Острота, а не полнота изложения материала характеризует их стиль — очень гибкий, красочный и эмоциональный. Таковы, например, книга о портрете XVII в., статья о позднем Тициане, монографии о Шардене и Пьеро делла Франческа, очерк о древнерусской иконописи в альбоме, изданном ЮНЕСКО, недавняя монография о Микеланджело.

Как настоящий ученый, В. Н. Лазарев не мнит себя непререкаемым авторитетом в тех областях истории искусства, в которых он работает, хотя в действительности он нередко выступает в них как крупнейший знаток и первооткрыватель. С огромным уважением и вниманием относится он к трудам своих коллег — и тех, кто работал задолго до него, и тех, кто работает сейчас, независимо от того, являются ли они известными учеными или только начинающими исследователями. Прежде чем самому взяться за перо, он почитает своим долгом ознакомиться со *всею* доступной ему литературой по вопросу, который его интересует. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на библиографические примечания к любой его работе. При всем том он всегда независим в собственных суждениях и в случае необходимости отстаивает свою точку зрения с присущей ему прямоотой и острой полемичностью. Тогда его критические замечания или рецензии, корректные по форме, бывают весьма резкими и бескомпромиссными по содержанию. И здесь интересы науки он ставит выше всего.

Виктору Никитичу Лазареву — 70 лет. Но все, кто давно и хорошо его знает, и даже те, кто сталкивается с ним случайно, очень неохотно соглашаются признать этот факт. Его огромная жизненная энергия, его трудоспособность, которой молодые ученые могут лишь завидовать, исключительная творческая продуктивность последних лет дают нам основание ожидать от Виктора Никитича еще много новых и ценных работ.

В. Н. Гращенков

⁴² См. «Искусство Новгорода», стр. 113—117.